

**Best
SELLER**

ДОКТОР КУРПАТОВ

САМОУЧИТЕЛЬ

*по философии
и психологии*

Андрей Владимирович Курпатов

Самоучитель по философии и психологии

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164612
Самоучитель по философии и психологии:*

Аннотация

Ни философии, ни психологии научить невозможно. Это правда. Но кто запретит нам быть философами и психологами?.. Нет уж, дудки! Жизнь – это дорога. Душа – это дорога. Проблема только в хорошем попутчике. Выберите Гегеля – уснете на полпути. Фрейда... Неизвестно, куда он вас заведет. Семен Семеныча выбирать не придется. Он уже сам стучится к вам в двери – смешной, нелепый, необыкновенно трогательный и чуть-чуть сумасшедший. Каждая его история – это маленькая притча, коан или афоризм. Обхохочетесь! И еще у него есть пистолет... Но вам этим пистолетом он угрожать не будет. Только себе. Мы же все в этой жизни делаем только себе...

Содержание

От издателя	4
Парикмахерская в комнате смеха, или Кама- сутра от философии	6
Семен Семеныч	12
Вместо введения	12
Книга первая	21
Самоучитель по философии	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Курпатов

Самоучитель по философии и психологии

От издателя

Автор этой книги – человек незаурядный.

Во – первых, он любимый многими «доктор Курпатов». К нему за помощью стоят в очереди, приезжают из-за океана. Причем и стар и млад, и самые простые люди, и олигархи, и звезды. Он действительно умеет помогать, это правда.

Во – вторых, он признанный авторитет в научном мире. Количество его работ давно перевалило за сотню. За его плечами десятки исследований и экспериментов – открытия и необычайно важные теории, методы, практики. У него учатся.

В – третьих, он автор целой серии бестселлеров по психологии и психотерапии. Читатели его любят. Ведь он рассказывает не о голой «психологии», он делится с нами опытом настоящего, живого, ненадуманного счастья. Он – искренний и веселый.

В – четвертых, он – философ. Блестящий философ, который не любит, когда его так называют. Он говорит, что за-

нимается методологией, а не философией. Впрочем, мне эта дефиниция представляется достаточно туманной. Он – Философ.

Наконец, в – пятых, он любимый и любящий муж замечательной писательницы – Лилии Ким (надеюсь, вы уже знакомы с ее потрясающей серией *Generation next*, вышедшей в моем издательстве).

Вот такой незаурядный человек и написал эту абсолютно незаурядную книгу. Искреннюю и веселую, философскую и о душе. Книгу, которая помогает жить – думать, любить и радоваться сердцем.

Предисловие к этой книге написал Мастер Андрей Логинов. И он сделал это настолько точно и изысканно, что мне просто нечего добавить к его словам.

Получайте удовольствие, читая эту книгу!

Издатель

Парикмахерская в комнате смеха, или Кама-сутра от философии

«Я не шушу, даже когда шушу».

Бхагван Шри Раджниш

Предмет книги до такой степени серьезен, что на него без улыбки не взглянешь. Наверное, этот вынужденный каламбур точнее всего передает замысел «Самоучителя». От великого до смешного один шаг. Его можно сделать и в обратном направлении: от сатиры к сатори. Все решает конкретное восприятие. Иногда достаточно просто показать палец, и ответом на этот нехитрый жест будет глобальное изменение сознания. Вспомним известную оценку «глупой» реакции: «дураку палец покажи, он смеяться будет». Теперь перекинем с нее мост на один из классических дзэнских коанов про палец и Луну, где смех на тот же жест мастера означал просветление его усердного ученика. Конечно, подобный самоучитель вряд ли претендует на роль мастера, но вот у читателя все же есть возможность попробовать себя на стезе ученика.

Сразу подкупая неофита видимой незатейливостью главного героя и банальностью ситуаций, в которых тот раз от разу барахтается, автор умело расслабляет, чтобы нанести затем неожиданный удар развязкой. В итоге «Самоучитель»

беспроегрышен. С одной стороны, от ситуации к ситуации, читатель уже ждет подобного и обретает столь необходимый опыт держать удары (тренирует «устойчивость» психики), с другой – автор все же надеется (и в этом сверхзадача) попасть в «десятку», т. е. отправить в нокаут оторопевшего самоученика (того, кто постигает суть самоучителя) и разрушить в нем тем самым дремучую косность обывателя. Естественно, во втором случае предполагаемый опыт будет несравнимо ценнее. Ведь сколько достойных мужей долгие годы тщетно насилуют себя в надежде ощутить подобное состояние, когда вдруг мир перевернется с ног на голову (или наоборот) и из глаз вместо слез отчаяния яркой вспышкой брызнут во все стороны желанные звездочки озарения.

Автор профессионально (в буквальном смысле) расшатывает болты, иногда просто вышибает неуклюжие опоры из стереотипного каркаса обыденного мышления. Он не предлагает никакой альтернативы, не дает возможности за что-нибудь зацепиться, вернее, предлагает зацепиться за низачто. Теряя, таким образом, всякую базу, не находя точку отсчета мысли автора, неподготовленный читатель обрушивается вслед за ним в желанную (все же!) пустоту сознания, всколыхнув попутно и глубины бессознательного. В пустоту неуютную, даже ошарашивающую поначалу, но затем манящую легкостью свободы и свежестью иного восприятия бытия. Здесь удастся коановский тупик напряжения, где сам коан есть костыль для хромого, вяло рассуждающего о том,

нужно ли ему куда-либо идти и зачем в противном случае вообще этот костыль нужен? Кто твердо стоит на своих ногах, тот не решает подобную дилемму – он просто или идет, или стоит на месте. Вопрос, туда ли он придет и до чего достигнет, в данном случае неактуален. Если в руки взят «Самоучитель», значит, обратившийся к нему – либо чуткий искатель, раскусивший подвох и пожелавший (нашедший мужество) нырнуть глубже, либо купившийся на доступную легковесность формата труда лентяй, который надеется так же легко «оседлать» философию и найти ответы на все «проклятые» вопросы. Ловушка в том, что любой самоучитель подразумевает возможность ликбеза, начиная с ноля до определенных высот освоения предмета, изложенного в пособии. Весь же аромат данной книги сможет вкусить лишь уже искушенный философией и отягощенный солидной долей интеллекта читатель. Как, впрочем, и коан сработает безотказным взрывателем только в подготовленном для «взрыва» сознании. Автор «причесывает» растрепанную шевелюру мыслей читателя на свой манер, не заботясь о приемлемости получающейся прически и о том, сколько «лишних» волос останется у него в жестком гребне. И впрямь, не важен стиль, главное, чтобы кудри были уложены в опрятные локоны – систему. Хотя в результате автор же тянется к самому радикальному средству парикмахера: опасной бритве для бритья наголо, намекая, что любой набор принципов – от лукавого! Как и раньше – взамен веское ничего. Он разбивает понятийные обра-

зы и к ним же апеллирует сам. Автор не боится противоречить себе – ведь это входит в построенную им систему парадоксов.

Книга скорее редкое подспорье в раскрепощении мысли, снятии клише, даже больше цитатник, нежели самоучитель. Автор сам называет ее собеседником. Да, к нему хочется возвращаться для очередных тупиков мысли и разрешения от бремени логики мышления. Из-за опасения, что иной читатель не дотянется, пройдет мимо тонкой авторской находки, порой хочется сделать уточняющее замечание, дать объясняющую сноску (ближе подвести искателя к «взрыву»), но осознание того, что глупо пытаться «разжевать» коан, останавливает от этого лишнего шага (взмаха костыля). Коан надо «заглотить» целиком, не дробя логикой, не боясь заболеть «несварением». Более того – необходимо страстно желать насытиться его ядерной энергией, переживать, а не пережевывать. В этом смысле «Самоучитель» в большей степени лекарство, чем пища. А любое лекарство хорошо в соответствующих дозах. Нет нужды «проглатывать» эту книгу всю зараз, существует опасность всерьез отравиться, навязчивостью суицида, например.

Автор с первых страниц активно готовит читателя к третьей части своего труда. Это, собственно, уже другая книга, другой взгляд. Взгляд если еще не с другого берега, то, во всяком случае, ясное осознание, какими могут оказаться очертания *того* берега. Соответственно, подразумевается и

другой читатель. Тот, кто не отложил встречу и не отравился ею, а явил собою предельную заинтересованность и успешно самонаучился. Кто готов не только для внимания (внимание в данном случае глагол), но окреп для подобной беседы. В ней угасает зуд вопрошания, и если появляется редкий вопрос, то он носит уже доверительный, но не провокационный характер, рождается в глубине авторского осмысления бытия как предложение диалога зрелому собеседнику. Достоинство и поразительная ясность переживаемой глубины вызывает уважение и подтверждает право на авторскую оценку неуклюжей игры человеческого разума. Здесь как раз исчезает палец и появляется спрятавшаяся за ним Луна...

В своей статье я коснулся идеи «Самоучителя» в свете близких мне и, на мой взгляд, удачных аналогий с коаном, которые приводит (опирается на них) сам автор. Он задает верное направление мысли, обозначает явный ориентир поиска и, оставаясь верным себе, тут же блестяще путает робкого читателя отрешиванием от подобных сравнений. Мотив – ссылка на неподходящий (?) для этого пути западный («с восточными корнями») менталитет.

Комментарии (костыли) могли быть выдержаны в иных сравнениях и подсказках, но от этого не изменилась бы суть расшифровки. Без костылей с хромыми (увы, читатель, это к Вам) трудно говорить на одном языке.

Кстати, чем меньше Вас задел ярлык хромоногости, тем ближе Вы к возможности действительно обойтись без косты-

ля. Вместе с тем если Вы с раболепным вздохом покорности согласились со своей ущербностью, то это опять же лишение себя перспективной возможности твердо зашагать обеими ногами по широким дорогам независимого сознания. Последних утешу: костыль – это тоже оружие, так что долой покорность! Бунт – вот о чем должно стучать сердце ищущего.
...Ну как, может, все же отложим эту встречу?

*Мастер Андрей Логинов,
Президент Международной Ассоциации
клубов КУНФУ «Триада»*

Семен Семеныч

Вопросы и языковые игры

Вместо введения

*Благодарный автор любезному другу своему –
Денису Олеговичу Лобанову*

Можно ли научиться философии? А психологии?.. Вы видели когда-нибудь обучающий учебник по этим дисциплинам? Таковую книгу, по прочтении которой, с одной стороны, читатель становился бы Сократом, Платоном, Хайдеггером, Витгенштейном, Фуко или Бартом, а с другой – Джеймсом, Ухтомским, Выготским, Перлзом или Роджерсом? Один наш гениальный современник – Мераб Константинович Мамардашвили – как-то сказал: «философии невозможно научиться, нужно беседовать с философом». Но разве напасешься на каждого словоохотливым Сократом?!

С другой стороны, именно Мамардашвили не без основания настаивал на том, что «философское знание – это всегда внутренний акт» и к тому же «духовное переживание» (то же самое можно, наверное, сказать и о психологии). Так неужто дело только в Философе – Учителе? Нет, дело в поле, в про-

странстве мышления каждого из нас, которое ценно тем, что само способно порождать это искомое знание. Для эффективности же мышлению недостает малого – содержательного стимула, того, что может задеть мысль и душу, запустить процесс мысли. Этому, как я, дорогой мой читатель, рассчитываю, и должна послужить предлагаемая тебе работа.

Но как написать такую книгу, возможно ли это? – вот вопросы, которые в свое время лишили меня и сна, и аппетита и, подобно царю Миносу, требовали чудовищной дани. Что ж, мне оставалось лишь молиться в ожидании счастливого появления Ариадны. Но, как это всегда бывает в таких случаях, вместо престолонаследной красавицы, которую мне рисовало сладострастное воображение, меня посетил нелепый чудак – некто Семен Семеныч... Поскольку же я ожидал иного, нет ничего странного в том, что сначала не заметил этого субъекта вовсе, тем более что был он неказист, а иногда просто смешон.

Однако же, несмотря на то что я достаточно долго наотрез отказывался замечать нежданного гостя, он вовсе на меня за это не обижался (я подозреваю, что такого рода гостеприимство не было ему в диковинку), а просто приходил ко мне вновь и вновь. Тоскуя, страшась будущего и мечтая – с кем не заговоришь? Для некоторых в такой ситуации даже таракан оказывается собеседником... Вот я и заговорил. А собеседник мой, надо тебе сказать, оказался отменным оригиналом, что окончательно меня заинтриговало, а позже вы-

яснилось, что и как человек он личность совершенно незаурядная (я говорю «выяснилось», хоть это и было «очевидно» с самого начала, но это как у нас водится – «слона-то и я не заметил»).

Мы подружились. Честно говоря, мои самодовольство и иллюзия собственной исключительности (нехотя должен признать и это, ведь я, получается, уподоблял себя избавителю Афин – Тесею!) заставляли меня на первых порах стесняться этого странного знакомства. Но вскоре не то что-то произошло во мне, не то в людях, меня окружающих... И я решил познакомить моих близких с этим несуразным господином. Те же, как и подобает в подобных случаях, первым делом заинтересовались не чем-нибудь, а его фамилией (хорошо, что хоть паспорта его они не требовали!). Тут я понял, что у Семен Семеныча есть еще и характер – он наотрез отказался мне ее поведать! Я влюблялся в него сильнее и сильнее.

Свято место пусто не бывает, и мои близкие сами, кто во что горазд, именовали его бог знает как, почему-то офамиленный он казался им менее страшным. Хотя, впрочем, чего бояться? Мне же Семен Семеныч напоминал не то Гамлета, не то князя Мышкина, не то Дон Кихота, и в конце концов я понял (господи, сколько же на это понадобилось времени!), что Семен Семеныч – это Семен Семеныч! Фантастика! Я думаю, что именно это и притягивает в нем, так что не прошло и полугода, как он уже стал навещать и моих близких.

Вскоре наш совместный с Семен Семенычем труд по созданию книг о Семен Семеныче стал значительно эффективней – он рассказывал мне истории про себя, а я задавал себе вопросы, относительно этих *казусов*. Но тут меня поразила следующая несуразность: многие и до меня пытались открыть технологию научения человека думанью (с разной долей успешности), но еще никто не пытался это делать столь экстравагантным образом, а именно освободившись от всякого рода поучительства! А и действительно, как можно поучительствовать, тогда как я сам лицо лишь вторичное во всей этой интеллектуальной вакханалии?

Из наших с Семен Семенычем предшественников на этом поприще – попытке создать систему, научающую воистину красиво мыслить, в первую очередь приходит на ум дзэнская традиция коанов. Коан, как ты знаешь, это емкое и на первый взгляд бессмысленное утверждение Учителя Дзэн, способствующее познанию этого учения учеником. Но, что называется, как приходит, так и уходит – мы с Семен Семенычем люди западного мировоззрения, хоть и не без восточных, а значит, и буддийских корней (по крайней мере, я). Однако же, согласись, дорогой мой читатель, нам с тобой не пристало сидеть под сенью сакуры, размышляя над тем, что кто-то (пусть даже очень авторитетный) сказал, будто бы «Будда – это три цзиня хлопка». В этом случае мы бы уподобились человеку, который, не желая ударить в грязь лицом, комическим образом пытается выполнить совершенно не свой-

ственную себе роль, например сделать какое-то эстетическое заключение по предмету, который ему не известен.

Более близким из рассматриваемых предшественников нам может показаться древний грек. Сократ, насколько мне помнится, разлегся уже не под сакурой, а в сени тенистого платана, соблазняя собой юного Федра, прошу прощения, своим интеллектом... Но минули, к сожалению, те времена, когда мифическое мировоззрение человека позволяло столь многое. Современный человек – «человек принципа», хотя сам с трудом представляет себе, что это такое – этот его загадочный «принцип». Впрочем, он верит в него искренне и, мало того, настаивает на том, что раз «он (этот принцип) есть» (как будто он видел принципы гуляющими летним днем в парке), значит (?), «его следует придерживаться». Но я отвлекся. Итак, в наш индивидуалистичный, интровертированный век, век, когда в голове каждого царит какая-то немислимая система принципов, не конгруэнтная аналогичной системе другого, техника диалога неприемлема. Один из наших соотечественников – Владимир Соловьев – попробовал возродить платоновскую традицию, но безуспешно (я имею в виду его «Три разговора», которые он написал, стилизуясь под Платона).

Опыт Ходжи Насреддина для целей такого рода книги, дорогой читатель, к сожалению, также недостаточен, хотя и весьма поучителен. Нам с детства известен анекдот про пьяницу, который ищет медяк, потерянный на соседней улице,

в луже под фонарем на этой, «потому что здесь светлее», но далеко не все знают, что это старая суфийская история. И такова незавидная участь большинства творений этой древней философской традиции – остаться в истории, но не свершить желаемого. А дело в том, что эти истории, к сожалению, как сказал бы желающий показаться умным философ (кстати, вы никогда не задумывались, почему большинство поздних философов пытались казаться умными, а Сократ прикидывался незнайкой?), «закрыто – системны» – в них поставлена точка, и именно эта точка есть та преграда, которая не пускает нас в мир мысли автора. Окольный же ее путь – путь этой мысли – уже к нашему сознанию – неоправданно долог.

Семен Семеныч же фактически навязал мне иную технологию, за что я ему, признаться, и благодарен. Эту технологию я именовал истинным вопрошанием, поскольку, если мысль действительно индивидуальный, духовный и творческий акт, то чем, как ни глубоким и неторопливым самовопрошанием, можно достичь желаемых высот? Эта книжица – своеобразное изложение методологии открытой системы мировоззрения («философии») и мировосприятия («психологии»). Оную же ищут сейчас все здравомыслящие умы, но сложность последней заключается в том, что здесь недостаточно простой работы одного автора или же одного только чтения заинтересовавшегося лица – здесь должно быть постоянное вопрошание со стороны обоих! Истинное вопрошание в открытой системе – это процесс, результат которого

не известен заранее, это критерий, определяющий истинную научность. Современный человек (особенно начиная с Г – на Гегеля), желая показать изворотливость и гибкость своего ума, поступает иначе – он сначала придумывает ответ, а потом постольку – поскольку подыскивает к нему вопрос, однако же это не вопрошание, а интеллектуальное извращение.

Теперь о том, зачем тексты двух первых частей этого «самоучителя» *озадачивают*... В нашей обычной, натуральной, так сказать, жизни мы озадачиваемся лишь в преддверии шутки. Вспомни, как ты вслушиваешься в содержательную часть анекдота – постепенно сосредоточиваясь, все глубже и глубже проникая в ситуацию, предлагаемую рассказчиком. Оригинальный же поворот изложения, то есть собственно сама шутка, или же, иначе, ее кульминация, подобно разрушению плотины, выпускает на волю скопившиеся в нас массы внутреннего, интеллектуального напряжения, что и доставляет нам чувство сиюминутной радости. Собственно ради этой сиюминутной радости мы и шутим.

Но, добрый мой читатель, разве же рационально только таким вот образом использовать эту нашу замечательную способность к интеллектуальному напряжению? Разве же не глупо отказываться от возможности использовать в святых корыстных целях эту нашу способность к такой вот потрясающей собранности и естественной, а не спекулятивно – риторической, интеллектуальной работе?! Помнится, Дмитрий Иванович Менделеев в подобной ситуации не зевал и сде-

лал свое потрясающее открытие – в состоянии помрачения «формального сознания» (впрочем, надо признать, в этом преуспел не он один). Надо ли еще аргументировать ценность «озадачивания», тем более если оно, как я надеюсь, в отличие от коана, суфизма и сократовского вопроса, технологично в отношении нашего современника?

И вот еще что (это на будущее): хоть я после каждого рассказа и задаю вопрос, для тебя, хороший мой читатель, это вовсе не обязательно – вопрошание (а это – основа философии) само родится, я полагаю, у тебя внутри; в этом я уверен, так что заранее прошу прощения за свою дидактическую настойчивость. Я, как и проказник Сократ, знаю ответы на большинство своих вопросов (что, впрочем, вовсе не значит, что мои вопросы подобны сократовским или что я имею наглость уподобить себя Сократу) и поэтому кое – где лукавлю. Но ведь я знаю только *свои* ответы и притом далеко не на все вопросы... Поэтому если кто-то предложит *свой* ответ на подобный вопрос – это воистину дорого стоит, а если кто-то найдет ответ там, где не нашел его автор, по крайней мере для меня, как для автора, это бесценно.

Теперь, кажется, все. Нет, еще одно. Наш загадочный Семен Семеныч любит отходить в мир иной, проще говоря – умирать от рассказа к рассказу; надеюсь, что это не слишком расстроит тебя, ведь в конце концов он возрождается вновь и вновь на каждой новой странице. (Причем надо заметить, что под «смертью» подчас скрывается любое другое

действие... А Семен Семеныча ты можешь увидеть в собственном зеркале... Если ты осуществишь такую замену, то поймешь и мои вопросы.) Врачи, я знаю это по опыту, быстро привыкают к смерти. Но недаром говорят, что истина ближе всего к нам на смертном одре. Что, как не смерть, заставляет нас задуматься о жизни? Что, как не смерть, пробуждает нас к состраданию?.. Ты давно последний раз сочувствовал самому себе? Семен Семеныч поможет тебе своими экстравагантными выходками.

Ну что ж, теперь, по – моему, действительно все.

Читатель, если ты выдержал это вступление – я уверен в Тебе! С Твоей же стороны достаточно пока просто интереса. А если есть и то, и другое – я желаю Тебе доброго пути и смею надеяться, что грядущее путешествие не разочарует Тебя. Если же это действительно будет так – за это следует благодарить не меня, а в первую очередь Семен Семеныча, которому я и передаю бразды правления текстом. Сам я пока временно отлучусь, встретимся же мы, если Тебе сия публикация до той поры не наскучит, в третьей части этого «собрания сочинений». Так что еще раз спасибо, всего доброго и до встречи!

Автор

Книга первая

Самоучитель по философии

Семен Семеныч был самым что ни на есть неудачником. Измученный и уставший от жизненной несправедливости, в приступе отчаяния он проклял Бога:

– Будь Ты проклят!!! – гневно кричал Семен Семеныч, обращаясь к небесам, а напоследок даже плюнул в эти небеса от всего своего тяжелого сердца.

Плюнул и в тот же момент насмерть перепугался: «Как я мог?!» Парализованный от ужаса Семен Семеныч замер под небесами с запрокинутой вверх головой... И тут густой плевком упал с небес аккурат на его лицо.

– Знаю, знаю теперь, что есть Ты, Господи! – в приступе восторга, утираясь, кричал Семен Семеныч разверзтым небесам. – Поделом, Господи, поделом мне! Как я мог сомневаться?! Прости, прости меня, Господи!

Знакомьтесь, это Семен Семеныч...

* * *

Семен Семеныча спросили:

– Что такое философия?

– Диалог, – ответил Семен Семеныч.

– Так что получается, что мы с вами уже прямо сейчас и философствуем?.. – удивился спрашивавший.

– А вам непременно Канта с Гегелем подавай, лицемеры! – Семен Семеныч был в отчаянии и, видимо, потому застрелился.

Ради философии стоило бы от нее отказаться, не правда ли?

* * *

Семен Семеныч засиделся за книгами, а его жена ужасно расстроилась по этому поводу.

– Ну что ты, милая, – успокаивал ее Семен Семеныч, – я же совсем чуть – чуть...

– Чуть – чуть?!! – взорвалась она. – Да я тебя уже битых полчаса жду!..

Он решил проблему ее ожиданий, застрелившись.

Что такое система мер?

* * *

Знаете, почему Семен Семеныч как-то застрелился?

Он не мог найти ответа на вопрос: «Что может знать философ?»»

Интересно, как бы он надругался над собственной жизнью, если бы задался вопросом: «Что может знать Семен Семеныч о том, что может знать философ?..»

* * *

– Сколько можно?! – с досадой и болью воскликнул Семен Семеныч, воскликнул и вышел вон, вышел стремительно, хлопнув дверью.

Что ж, нет ничего странного в том, что Семен Семенычу не суждено было узнать ответа.

Не страдание ли определяет степень нашей убежденности?

* * *

Стенограмма диалога Семен Семеныча с человеком, ре-

шившимся на утверждения:

– Так вы полагаете, что то, что «я думаю о смерти», делает меня философом? А разве вы не «думаете о смерти»?

– Нет.

– Когда вы пугаетесь близко проехавшего автомобиля – о чем еще вы «думаете»?

– Мы не «думаем» – в сознании нет слов, мы пугаемся.

– А чего вы пугаетесь? Если вы ответите на этот вопрос, а ответ должен быть, то получится, что вы «думаете». Так?

– Да.

– Значит, чтобы «думать», не нужны слова?

– В определенном смысле...

– Тогда зачем вы конкретизируете слово «смерть»?

– Потому что именно «смерть» делает «думанье» философским.

– Да, а автомобиль делает нас «философами».

Конец цитаты.

Дело только в словах?..

* * *

Семен Семеныч часто говорил, что не боится смерти и, когда ему надоест жить, он покончит с собой. Парадоксально, но ему никто не верил.

В один прекрасный день это произошло... Нет, не то, что

ему поверили. Он застрелился.

Возможен ли «аргумент»?

* * *

Семен Семеныча призывали на службу в армию, а он отказывался.

– Вы по убеждению или как?.. – спросил его ответственный приемщик.

– По убеждению, – убежденно рапортовал Семен Семеныч.

– По какому? – приемщик уткнулся в свои бумажки.

– Что значит «по какому»? – удивился Семен Семеныч.

Бюрократ продолжал настаивать, Семен Семеныч продолжал удивляться. Так и было: один настаивал, другой – удивлялся. В конце концов Семен Семеныч признал, что у него нет убеждений, и застрелился.

Что такое убеждение и каковы его отношения с доказательством и верой?

* * *

Семен Семеныч славился среди друзей способностью ум-

но говорить. Однажды один из них спросил Семен Семеныча:

– Семен Семеныч, о чем же ты говоришь со своей престлницей?

– Ни о чем, – задумчиво произнес Семен Семеныч.

– Вот это любовь! – его друг, восхищенный, всплеснул руками.

«Видимо, это так...» – подумал Семен Семеныч.

Как Семен Семеныч относится к своим друзьям?

* * *

Семен Семеныч слушал любителя словесности, а потом заметил ему:

– Не путайте слово и обозначаемое. Слово же коварно, под ним порой скрываются разительные противоположности! «Знак» – это одно слово, «значение» – другое; под одним корнем встречается категоричность и неограниченность...

Правильно ли мы прочитываем предложение: «лучше помолчать»?

* * *

Семен Семеныч читал лекцию по языку:

– Чего вы хотите добиться, когда обращаетесь речитативно?

– Того, что формулируем в словах, – отвечали ему слушатели.

– Вы добиваетесь того, чего добивается языковая форма. Как бы вы ни интонировали вопрос: «Вы не знаете, что такое человек?», он будет звучать и обозначать примерно то же, что и «Вы не подскажите, как пройти на улицу Марата?» Меня воспитали в духе «вы не подскажите...» И теперь я не могу ответить на вопрос: «Что есмь «человек»?» Я просто не могу его себе задать, потому что я просто не могу его услышать! В языке желание и результат разотождествились, причем мы потеряли сразу обе возможности – и желать, и обладать результатом.

Есть ли у Семен Семеныча чем заняться этим вечером?

* * *

Семен Семеныч знал, что у него заболят зубы. Он знал также, что их некому будет лечить. Они заболели. Их некому

было лечить.

Что ему оставалось? Он застрелился.

В чем губительность «утверждений»?

* * *

Семен Семеныч был молод. На одной солидной, очень солидной научной конференции он позволил себе указать на нелепость заключений именитых ученых.

– «Яйцо курицу не учит», – пресекли Семен Семеныча.

– А курица, которая учит яйца, по всей видимости, сумасшедшая, – пошутил Семен Семеныч, весьма забавляясь сказанным.

Пока уязвленные корифеи от этого вот сказанного приходили в себя, Семен Семеныч зачем-то добавил:

– А курица, которая птенца от яйца отличить не может, – и того хуже!

В каком случае яйцо становится аллегорией?

* * *

Семен Семеныч общался с физиками и полюбил слово «процесс», потом попал в компанию юристов и разлюбил это

слово. Последнее послужило ему поводом к тому, чтобы застрелиться.

Когда Семен Семеныч совершил ошибку?

* * *

– Семен Семеныч, вам какого вина – красного или белого? – спросили у Семен Семеныча.

– Мне, пожалуйста, каштанового с таким... – замялся Семен Семеныч, – бордовым оттенком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.